

— Благодаря заботе Чжан Саня мы быстро пришли в себя, — продолжал Ван Цзюнь. — Потом мы с ним подружились. А ещё я отдал часть своей добычи в качестве подарка начальству и стал «хуочжаном»... — он кратко рассказал о своём дальнейшем пути.

Вэнь Жунь сразу понял: этот парень полгода месил грязь в армии и наконец-то чего-то добился.

Без связей, без поддержки, без капитала — только собственная отвага и горсть трофеев, часть которых он поднёс вышестоящим. Так и стал хуочжаном.

Правда, должность хуочжана — командира отделения — почти ничем не отличалась от простого солдата.

Но всё же это уже маленький начальник. К тому же Ван Цзюнь умел лавировать и налаживать связи. Если удастся перевестись в тыл, можно не только сохранить жизнь, но и наесться досыта. Видно, что голова на плечах есть.

Рассказав о себе, Ван Цзюнь выпил две большие чаши чая и спросил:

— А теперь расскажите вы: как всё это произошло?

— Да какое «как»? — горько усмехнулся Вэнь Жунь и поведал историю семьи Вэнь, а также о том, как его аттестат об образовании и право на учёную степень украли, выдав чужого человека за него.

К концу рассказа дети уже клевали носами. Вэнь Жунь велел тётушке Цуйхуа отнести Ван Мэй спать. Два брата не хотели уходить, но вскоре сами уснули прямо на кане.

Ван Цзюнь же слушал с живейшим интересом:

— Получается, ты мой обручённый брат?

— Да, — Вэнь Жунь несколько раз внимательно взглянул на него. — Но ведь ты ничего об этом не знал. Если передумаешь — я пойму. Дом я построил сам, но оформил на семью Ван. А я... могу расторгнуть наш договор...

На словах он говорил легко, но в душе было невыносимо тяжело. Ведь это его дом — тот самый дом, в котором он поселился с самого начала, его настоящий дом.

— Не надо, — серьёзно сказал Ван Цзюнь, пристально глядя на Вэнь Жуня. — Только ты слишком худощавый — тебе надо получше питаться. Через три дня мне снова уезжать в лагерь. А дом... придётся и дальше просить тебя за ним присматривать.

Да и присматривает он отлично — зачем же отпускать такого человека?

Вэнь Жунь скривился:

— Хе-хе...

— О наших делах поговорим через несколько лет, — зевнул Ван Цзюнь. — Сейчас мы оба не волею своей распоряжаемся. Давай спать — болтали-болтали, а уже половина ночи прошла.

Чай выпит до капли, угощения съедены, арахис и семечки тоже закончились.

Остался лишь беспорядок на столе.

— Не спите здесь, — быстро сказал Вэнь Жунь. — Идите во внутреннюю комнату. Сначала занесите братьев туда. Вы трое — в спальню, а здесь уберём и оставим Лян Эра с Чжан Санем ночевать.

— Хорошо! — кивнул Ван Цзюнь и сразу же приступил к делу.

Два младших брата улеглись спать с ним во внутренней комнате, Лян Эр и Чжан Сань остались на кане во внешней, а Вэнь Жунь отправился ночевать в свой кабинет.

Событий сегодня было слишком много. Вэнь Жунь ворочался в постели почти всю ночь и утром проснулся с тяжёлой головой.

Раньше на завтрак у них всегда была простая рисовая каша и лёгкие закуски.

Но сегодня подали ароматные пельмени с бараниной и наваристый суп из крупных костей.

Даже в салат добавили тонко нарезанную свинину.

А у самого Вэнь Жуня на завтрак было особое блюдо — «пианьэрчуань» (тонкая лапша с овощами и мясом в бульоне).

После завтрака дети пришли на занятия. Вэнь Жуню было не по себе, и он решил отвлечься, полностью погрузившись в преподавание.

Он с полной отдачей вёл уроки: оба класса читали вслух или писали иероглифы, даже маленькая Ван Мэй старательно зубрила «Саньцзыцзин» («Трёхсловник»).

А Ван Цзюнь с товарищами стояли за дверью и слушали детские голоса и наставления Вэнь Жуня:

— Поэзия и литература — это всего лишь способ выразить чувства, наблюдая за окружающим миром. Если вы будете усердно читать великие произведения предшественников и постепенно вникать в их смысл, со временем всё станет ясно, и вы сами начнёте сочинять!

— Учитель, — спросил Ян Му, — а смогут ли наши стихи тоже дойти до потомков? Поможет ли это на экзаменах?

— Поможет, но не слишком сильно, — ответил Вэнь Жунь. — Настоящий учёный должен обладать не только литературной эрудицией, но и высокой моралью. Как говорится: «Упорядочь семью, управляй государством, установи мир под Небесами». Если человек не сумел даже сам себя воспитать, как он сможет внушить уважение другим?

Трое за дверью прослушали целое утро, как Вэнь Жунь вёл занятия, а потом перешёл в младший класс, где учил малышей читать и распознавать иероглифы. В обед детям раздали лёгкие угощения и напитки, а после обеда уроки продолжились.

Утром он говорил о поэзии и литературе, а днём перешёл к «Цзюйчжан суаньшу» («Математике в девяти главах») и обучению счёту на счётной доске (суаньпань).

Снаружи трое переглянулись.

Тихо вернувшись в комнату, они уселись на кане: перед ними стоял чайник и три большие чаши.

В комнате было тихо. Наконец Чжан Сань нарушил молчание:

— Ван Цзюнь, твой обручённый брат — это удача! Ведь он же цзюйжэнь!

— У него и талант есть, и положение, и деньги, — прихлёбывая чай, добавил Лян Эр. — Дом у него отлично устроен!

Такой особняк могли позволить себе только семьи с настоящим достатком.

— Да уж... Всё это вышло совершенно случайно! — Ван Цзюнь скривился. — Может, мне даже стоит поблагодарить мою вторую тётку?

Если бы не она, он никогда бы не обрёл такого «обручённого брата», даже не зная об этом.

Здесь, конечно, встречались пары, заключавшие договоры о братстве, но никто не слышал, чтобы старший сын знатной семьи вступал в подобные отношения — да ещё и с другим старшим сыном!

Его братья ещё так малы... Вчера, слушая Вэнь Жуня, он уже понял, насколько отчаянной была тогда ситуация.

Вэнь Жунь выжил. А если бы он умер в доме Ванов?

Вторая тётка хотела отдать Ван Мэй в детские невесты, ведь семья Ванов была без поддержки, и никто не вступился бы за них. А Вэнь Жуню, если бы не нашёлся справедливый судья, пришлось бы отдать свой тяжело заработанный аттестат другому!

Одно за другим — столько преград и испытаний...

Достаточно было ошибиться в одном — и всё, путь к гибели был бы неизбежен!

При этой мысли по спине Ван Цзюня пробежал холодок.

— Так что, брат, тебе здорово повезло! — весело рассмеялся Чжан Сань. — Теперь ты можешь быть спокоен. Я ведь не раз слышал, как ты во сне бормочешь о братьях и сестре.

Ван Цзюнь шёл в солдаты без особого желания.

Но что поделать? Сколько людей в армии пришли по своей воле? Большинство — из-за разных обстоятельств.

Жалеть всех невозможно.

Армейская жизнь превращала деревенских парней: сначала они в ужасе смотрели на всё происходящее, потом привыкали и становились равнодушными, а в моменты гибели товарищей лишь беззвучно открывали рты...

Но Ван Цзюнь уже научился ловко лавировать. Он больше не был тем наивным деревенским юношей, что молча гнул спину в поле — теперь он хуочжан, командир отделения.

— Я знаю. Я полностью доверю ему свой дом, — Ван Цзюнь одним глотком осушил чашу чая, будто это было вино. — В армии я, скорее всего, задержусь надолго... Даже если когда-нибудь демобилизуюсь, буду уже стариком. К тому времени мои братья, наверное, сами внуков наживут.

— Ты отлично заключил этот договор, — Лян Эр, откусывая пирожок в форме золотого ингота с начинкой из фиников, добавил: — Теперь, вернувшись в лагерь, ты можешь быть совершенно спокоен. Если у нас снова будет возможность выехать, обязательно зайдём к тебе — здесь так уютно!

И правда, разве не уютно?

Их грязную одежду сразу же забрала тётушка Цуйхуа. Зимой бельё сохнет медленно, поэтому днём его сушили на улице, а вечером заносили в дом, чтобы окончательно просушить у кана.

Трёх дней вполне хватит.

В первую ночь их одежду уже разобрали тётушка Цуйхуа и жена Чэнь Цяна.

Сегодня, во второй день, её тщательно выстирали и вывесили сушиться.

Завтра, как сказали, добавят ещё немного ваты внутрь и зашьют заново.

Ведь уезжать им в уездный городок к остальным и дальше — в армейский лагерь — только на четвёртое утро.

— Твой «супруг» умеет ладить с людьми, — заметил Чжан Сань, причмокивая губами. — Пока он будет вести эту частную школу, в деревне всё будет зависеть от него. А если кто-то из учеников сдаст экзамены и получит учёную степень — это же огромная честь! Он станет главным благодетелем всей деревни. Кто посмеет его обидеть? Твои братья и сестра теперь в надёжных руках.

В его голосе явно слышалась зависть.

— Да, он очень умён, — улыбнулся Ван Цзюнь.

Лян Эр толкнул его локтём:

— Вы же... уже заключили договор.

В армии подобные союзы были обычным делом — все прекрасно понимали, о чём речь.

— Да, договор заключён, — Ван Цзюнь понял, к чему клонит Лян Эр, и покачал головой. — Но я не хочу торопиться с брачной ночью. Наши отношения — сплошная случайность. Он цзюйжэнь, а я всего лишь простой солдат-«цзюйба». Разве он будет рад такому партнёру? Не стоит давить — а то напугаешь, и он сбежит.

Ван Цзюнь прекрасно понимал, кто есть кто.

Вэнь Жунь мог уйти из семьи Ван, но семья Ван уже не могла обойтись без Вэнь Жуня.

Ещё вчера Вэнь Жунь прямо заявил, что готов уйти, — но разве Ван Цзюнь допустил бы такое?

— Лян Эр, не лезь не в своё дело! — одёрнул его Чжан Сань. — Старшина, не слушай его. От его советов одна беда. У тебя дома такой обручённый брат — как оберег для всего дома! Не гневи его.

Они все простые солдаты, а тот — цзюйжэнь, учёный господин.

Посмотрите, как он учит детей, какие мудрые слова говорит!

Учёные люди — совсем другая порода.

В тот же вечер Ван Цзюнь взял одного из домашних баранов и вместе с Вэнь Жунем отправился в гости к старосте Чжану.

Дом старосты остался таким же, как и прежде. Увидев Ван Цзюня, старик тоже был потрясён.

К счастью, Ван Цзюнь и Вэнь Жунь подумали одинаково: домашние строго хранили тайну и никому не рассказывали о возвращении Ван Цзюня.

После первоначального изумления, услышав, что Ван Цзюнь приехал по служебным делам и специально заглянул домой, староста Чжан не стал поднимать шума. Когда они уселись на кане и Ван Цзюнь рассказал о своей нынешней должности в тылу, староста одобрительно причмокнул:

— Это отлично! В тылу куда лучше, чем на передовой. Потерпишь пару лет, а если совсем прижмёт — так и останешься там до старости!

Староста Чжан оказался человеком решительным!

Такие слова ясно показывали, как он сам видел будущее Ван Цзюня: «Живой — уже победа. Главное — сохранить голову».

— Я всё понимаю, дядя Чжан. Спасибо вам за заботу о семье Ван, — Ван Цзюнь встал и почтительно сложил руки в поклоне. Вэнь Жунь тоже вежливо поклонился. Это был не просто этикет — это искренняя благодарность.

— Не надо так, не надо! — глаза старосты покраснели. — Это я бессилён... Не сумел тебя уберечь...

Он тогда действительно старался, но что мог сделать староста нищей деревушки? Говоря прямо, он был всего лишь «грязным крестьянином в сапогах».

Какую помощь он мог оказать Ван Цзюню?

Он даже ни одного военного не знал.

После трогательных воспоминаний разговор пошёл свободнее.

Они многое обсудили. Вэнь Жунь почти не вмешивался — всё, что нужно, он уже рассказал Ван Цзюню: сколько у них земли, сколько скота, сколько работников.

Только сумму сбережений пока не назвал — решил сообщить об этом сегодня вечером.

Разумеется, свой личный «тайный сундучок» он держал при себе и Ван Цзюню не собирался рассказывать.

По сути, планы Ван Цзюня по управлению хозяйством совпадали с планами Вэнь Жуня. Просто Ван Цзюнь формально оставался главой семьи Ван, и его слова имели больший вес.

К тому же это показывало всем: даже находясь вдали от дома, Ван Цзюнь отлично знает, как обстоят дела, и Вэнь Жунь ничего не скрывает.

И действительно — после этого староста Чжан стал ещё больше доверять Вэнь Жуню.

Жена старосты хотела приготовить угощение, но гости отказались и вскоре распрощались.

На следующее утро три брата Ван отправились на кладбище с благовониями, свечами и бумажными деньгами для предков.

Здесь существовал обычай: перед Новым годом, в месяце лапуэ, обязательно нужно навестить могилы, причём делать это строго до полудня. После полудня на кладбище ходить нельзя.

Ван Цзюнь не взял с собой Ван Мэй и не пригласил Вэнь Жуня.

Вэнь Жунь прожил в этом доме всего год и ещё не участвовал в поминальных обрядах семьи Ван.

Утром он занимался с детьми, а днём объявил школьные каникулы, оставив задания и по литературе, и по математике, после чего отпустил учеников домой.

Когда дети разошлись, вся деревня уже знала: Ван Цзюнь вернулся.

К вечеру к ним стали заходить гости — одна за другой пришли почти все двадцать с лишним семей Ляньхуаао. Ван Цзюнь встречал всех с улыбкой и объяснял, что завтра уезжает — ведь он приехал лишь по делам закупок и не может задерживаться.

И тут Ван Цзюнь заметил любопытную вещь: все без исключения хвалили Вэнь Жуня!

Даже самая язвительная женщина в деревне — невестка семьи тофу Лю, известная своей сварливостью и острым языком, — и та говорила о Вэнь Жуне только хорошее!

Эта женщина обычно всех перешибала в споре — услышать от неё добрые слова было почти чудом.

После ужина стемнело, и гостей больше не было — ведь в Ляньхуаао всего-то двадцать с лишним дворов, и все уже побывали.

Вечером снова началась беседа при свечах, но на этот раз только между Ван Цзюнем и Вэнь Жунем — без братьев и сестры.

Они разговаривали в кабинете Вэнь Жуня — очень официально.

Это был первый раз, когда Ван Цзюнь вошёл в его кабинет.

Кабинет Вэнь Жуня был настоящим кабинетом учёного человека.

В воздухе витал аромат книг и лёгкий запах древесины камфорного дерева — из неё делали закладки, чтобы отпугивать книжных червей.

Даже сундуки для хранения книг лучше всего делать из этого дерева.

Полки Вэнь Жуня были забиты книгами по разным дисциплинам. В высоком кувшине для свитков, доходящем почти до пояса, лежали свёрнутые картины — видно, что кабинет активно используется.

На стене висела пейзажная картина «Восход солнца на востоке», написанная самим Вэнь Жунем. Работа была выполнена в свободной, экспрессивной манере. Особенно ярко сияло солнце — художник использовал технику «чжу ша дьянь цзинь» («красная ртуть с золотыми

точками»): среди таинственных гор и рек восходило ослепительное солнце.

Вверху чёрными иероглифами было выведено восемь слов:

«Солнце восходит на востоке, величественны горы и реки».

Правда, Ван Цзюнь не понимал тонкостей живописи. Он лишь подумал: «Недаром говорят — это место настоящего книжника! Даже лучше, чем кабинет нашего генерала!»

Он бывал в генеральском кабинете всего раз — когда получал наградные деньги.

Когда оба уселись, Вэнь Жунь ещё подбирал слова, не зная, с чего начать разговор. И вдруг увидел, как Ван Цзюнь засунул руку за пазуху... и вытащил три маленьких, аккуратных, сверкающих золотых слитка по два ляна каждый!

<http://bllate.org/book/15642/1398074>